

Познакомил меня с поэтом Леонидом Лебедевым писатель Анатолий Байбородин, мой друг. Оказалось, что Леонид жил в Вятских Полянах Кировской области (Вятской губернии), а родина моих родителей в 100 км оттуда, в деревнях Бураши и Мокрецово, только надо переехать на пароме через реку Вятку. Можно сказать, что Лебедев мой земляк, это нас и сдружило. Леонид гордился, что он вятский, он знал русскую историю. А по истории мы помним, что когда Иван IV ходил на Казань усмирять татар, то вятские полки подсоединялись к войску Ивана Грозного. К Екатерине II вятская знать обращалась с просьбой дать им какие-то права, и она даже определила им автономию. У них был герб — лук со стрелой и ястреб. Я нарисовал Лёне этот герб по его просьбе и подарил.

В Союзе писателей тогда вышла книжка стихов, эдакие бригадные по 5-6 стихов 3-4 автора, тоненькие, маленькие; и Леонид мне такую подарил, но после попросил у меня на время и с концом. Больше я книжку не видел. Может в Союзе писателей хранится в архиве? Больше его не печатали.

Он знал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова и других. Особенно был пристрастен к стихам Николая Рубцова, и, мне кажется, подражал ему стихийно. Когда он читал свои стихи, то тональность, слог, даже слова Рубцова чувствовались в его стихах. Написал он книжку стихов, но никто не помог издать ее. Сам он по складу своего характера не смог этого сделать. Также и Борис Архипкин не смог бы напечатать свои книжки, если бы не сделал это поэт Василий Козлов.

Справа налево: товарищи Л. Лебедева, художники И. Чулкин и Ф. Ясников.

Я познакомился с ним, кажется, в 80-х, и мы его звали Лёней. В Союзе писателей он считался поэтом со странностями, над которыми иногда посмеивались дружески, но описывать не буду, хотя мне рассказывали один, два случая.

Он ходил в лес по ягоды. Жить тогда было трудно, и поэт продавал ягоды. Я тоже любил лес, так как родился в тайге, и стал с ним ходить в лес. Ходили мы со станций Большой Луг, Трудный, Ягодная, Санаторий, Сосновая, Медвежий, Переезд, Подкаменная. Сам он без меня ходил и в другие места, часто с ночевкой.

Опишу один случай, когда мы заходили с Андрияновки. Может, это был первый заход мой с ним. Когда мы возвращались из леса к электричке и, не доходя, остановились у ручья. Смотрю, Лёня достает из рюкзака черный костюм, туфли, бритвенный прибор, у ручья тут же намыливает кисточкой с холодной водой лицо,

бреется, надевает белую рубашку, черный костюм, галстук, надевает черные туфли, все лесное прячет в рюкзак, я вижу, что он совсем городской человек, будто в лесу и не был. Я совершенно серьезно на это смотрел, боялся его обидеть. Я понял, что когда мы будем ехать в электричке, если он встретит знакомого из писателей, то будет выглядеть вполне прилично. Он этим дорожил, чтобы никто не видел его в неряшливом виде. Но потом, когда он не стал ходить в Союз писателей, он уже так не переодевался.

Познакомились мы, когда ему было за 30, а мне за 40, и жил он с женой Катей в Академгородке в однокомнатной квартире, а я в Юбилейном, и бывал у него. Иногда он продавал ягоды, насыпая в бумажные кулечки, на которых были напечатаны его стихи (у него была машинка), и предлагал почитать.

Расскажу несколько случаев наших походов. Как-то ходили по чернику, куда-то возле Иркутта. Мы уже набрали, как подъехала машина. Дорога была рядом с черникой. Оттуда высыпало человек восемь. Как-то в лесу он стал упрекать меня, что я туда ходил с друзьями. Я говорю: «Да приезжай, посмотри холодильник, никакой черники у меня нет. Да и что ты стережешь, когда машины туда ездят». Я тогда из лесу от обиды хотел уйти домой, но было уже темно, и идти темно, и электрички уже нет. Я успокоился, и мы вместе ночевали. Я, конечно, не должен был принимать это близко к сердцу, так как знал, что на него находят фантазии, и он что угодно может сказать, поэтому при разговоре с ним надо быть осторожным, он цепляется за слова и может почувствовать неприязнь.

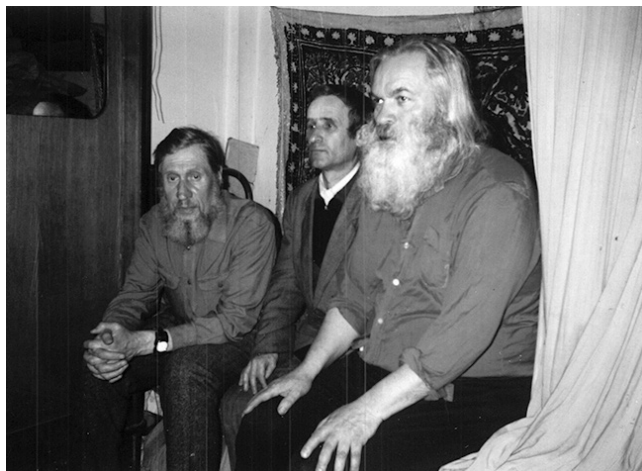
Однажды ходили далеко, за 12 км с ночевкой. Ночью пошел снег. Я обычно в лесу у костра не могу уснуть, боюсь медведей, волков, а он сразу засыпает, причем беззаботно, потому что я слежу за костром. И вот идет легкий снежок, и его сверху засыпало снегом, потом он проснулся, отряхнулся, встал, будто это обычное дело.

На каждой остановке у него, как у белки, что-нибудь да спрятано — или топорик или ножовка, или котелок. Я ягоду собирал руками, а он совком. У костра он очищал ягоду от листьев, и она уже была чиста и готова к продаже. Однажды, наверное, в пятницу мы поехали под ночь и шли до места в темноте, когда встречалась лужа, он поворачивал фонарик ко мне, но я все равно зачерпнул в сапоги. Спрашиваю: «Зачем ночью?». Он сказал: «Чтобы определить тех, городских, которые поедут в субботу, чтобы ягоду собрать раньше».

Раз ходили по чернику, а когда обратно выходили на большую дорогу, он сошел с тропы и вел меня по лесу и рассказывал, что вот тут под скалой водятся змеи, а там в ущелье — медведица с медвежатами. Это для того, чтобы я никого не водил.

Как-то по тропе пришли к шалашу из трех рядов целлофана, пол на два раза устлан старыми фуфайками и матрасами, внутри железная печка, хозяин одноногий здесь живет зимой с маленькой собачкой. Они о чем-то поговорили, и мы пошли дальше.

Однажды его не было из леса уже дня четыре. Я позвонил Кате, его жене, она тоже забеспокоилась и сказала, что у него язва желудка. Я знал, где он может быть, это от электрички полчаса ходьбы. Мы поехали и дошли до места. Там я увидел парня, он рассказал, что Лёня ушел по ягоды и вернется через час. И действительно, он вышел и упал под куст. Я подошел, он сказал, что у него боль. Отдохнул, у него была ягода в ведре, и мы втроем поехали домой. Потом Катя рассказала, что дома опять его схватило, она отвезла его в больницу, там хотели делать операцию, но он так был немощен, что они решили с неделю его покормить. Когда снова проверили, оказалось, что язва зажила, что у него было на нервной почве, сказали врачи.

Друзья. Второй слева Л. Лебедев, третий слева И. Чулкин.

Когда ходил с ним в лес, он шел впереди метров на 50 и сам с собою что-то говорил. Я шел как-то с его другом, он называл его полковником. Я спросил его, что Леня говорит, тот ответил: «Пусть, не надо ему мешать». Я всегда нормально с ним разговаривал, но, когда случилась пауза, он был не занят моим разговором, на него находила фантазия, и он кого-то ругал, я помню, что не нравились ему черные глаза,

иногда вспоминал Христа, что-нибудь из истории Руси и вятских людей. Иногда я ночевал у него. Если это было перед субботой, когда приезжали Катя и Коля, его сын, он мыл полы, готовился, чтобы чисто было. Я забыл сказать, что ночевал я в его даче на Подкаменной, которую приобрела Катя лет 15–20 назад.

Когда в 2002 году со мной случился приступ грыжи диска, мне сделали операцию, и правая голень была частично парализована, я стал ходить с костылем, но в лес ходил до 3 км и собирал ягоду возле тропы и возвращался к электричке к вечеру. С Лёней я уже не ходил, чтобы не задерживать его, хотя раза три и в таком состоянии я с ним ходил за три км, и он даже нашел белые грибы и дал мне несколько, и я нашел два гриба.

Последнее время я ходил на Подкаменную, где была их дача, по возвращении я заходил к нему до электрички на полчаса и, если он был дома, то угощал меня чаем во дворе, там был столик и скамейка. Однажды я написал этюд с видом на его дачу и пририсовал его с собачкой. Собаку звал он Витязем, и она была красивая, белая, крупная, с черными пятнами. Потом у него была другая — черная собачка, а с Витязем не помню, что случилось. Он бывал у меня дома, когда еще жива была моя мама, до 1993 года, а потом заходил как-то раз по срочному какому-то делу. К моей сестре Вале он относился лучше, чем ко мне, и всегда рад был ее видеть.

Он боялся оставить дачу даже на сутки, из-за хулиганов, которые могли залезть и обворовать, хотя была и собака. А может, просто ему не нужен был город. Сына Колю после рождения я не видел долгое время, не ходил на их квартиру, и как-то незаметно Коля вырос; видел его иногда на даче, уже подростком, а потом юношей лет двадцати. Потом Катя купила ему машину, и он уже ездил на машине с Катей. На машине они с Лёней совершали поездки на Байкал и в другие места, где отдыхали. Затем Коля окончил институт и стал работать.

Однажды они пригласили меня весной на какой-то праздник, и мы сидели в лесу за потайным столиком недалеко от дачи. Последнее время у Лёни на даче завелись котята, жили на крыше возле печки. Лёня их считал обузой и ворчал, что они ему надоели, потом он кому-то их раздал.

У Кати была родня, и однажды на даче мы отмечали день рождения, и меня познакомили, а также иногда бывал Александр, который учил Николая вождению и знаниям машины, с Лёней они подружились, и он иногда, как и я, бывал у него.

Как-то Лёня мне сказал, что я могу приехать к нему со своими друзьями. Я даже удивился. Я как-то приезжал со своим другом, но познакомиться ему с хозяином не довелось — Лёня был в лесу.

Однажды недалеко от его дачи был пожар, и Лёне удалось потушить огонь, и он спас свою дачу и другие дачи.

У него была способность, как у человека, связанного с лесом, а также с людьми, которые там бывают, понимать обстановку и людей. Однажды мы выходили к электричке, а тогда осенью надо было переводить стрелку на час, то вперед, то другой раз — назад. И мы не знали, то ли торопиться, то ли не спешить. И встречаются нам два парня выпившие и просят котелок, вскипятить чай. Лёня достаёт чайник, наливает рядом из болота воды, делает костерок, и через 15 минут чай готов. В это время он взял их ружьё, посмотрел, что оно заряжено, закрыл и положил обратно, хотя парни предлагали ему стрельнуть, но он не стал. Они попили чаю, это около часу прошло или полчаса, в это время он о чем-то с ними разговаривал, я не вмешивался. Я стал шептать Лёне, что нам надо идти, иначе мы не успеем. Наконец Лёня положил чайник в рюкзак, и мы пошли через болото и вышли на дорогу. Надо было быстро идти, чуть не бежать, так как мы не знали, в какую сторону стрелку перевести. На болоте я стал громко сердчать на Лёню, зачем с ними связался: «Сказал бы, что нет чайника». В это время раздался выстрел. Похоже, парни услышали мою брань — на болоте, где нет леса, хорошо слышно, — и ответили. Мы скорей пошли, шли быстро около часа. Оказалось, что нам не надо было торопиться, стрелка должна быть на час назад.

Он хорошо играл в шахматы, будто разрядник. По молодости я играл с ним раза 2–3, и он обыгрывал. Он настолько хорошо играл, что по компьютеру сразился с Каспаровым. Я компьютера не имею, и удивился его способностям.

Было время в 90-х, когда трудно было жить. Даже карточки давали на продукты. Он был без работы, и я устроил его в одно место, недалеко от Юбилейного, где в мастерской мой знакомый художник делал с бригадой кувшины для продажи. Я договорился и привел Лёню. Он стал делать эти кувшины до 80 см высоты и 60 см в диаметре. Их мастерили на гончарном круге, обжигали, и Лёня справлялся. Но через месяц ушел, я даже не помню, заплатили ему или нет.

Еще он ходил без меня за клюквой, я хотел с ним сходить, но так и не пришлось. Возле его дачи росло много моховиков, народ их не собирал, хотя они и съедобны, а Лёня кормил ими собаку.

Однажды он заснул на вокзале, и воры украли у него рюкзак, а там был паспорт. Он приехал ко мне и попросил меня, чтобы я составил ему компанию. Я понял так, что он должен был встретиться с ворами и поговорить о паспорте. Мы поехали на вокзал, и он зашел в милицию. Милиция отдала ему паспорт. Оказываясь, он рассказал милиционерам, и они разыскали воров.

Однажды на даче на моем участке я спиливал сосну неправильно, и она упала на крышу домика соседа и повредила одну сторону крыши. Я позвал Лёню с собой. Думал, сосед, парень, будет меня ругать, и Лёня будет для меня как защита. И точно, парень стал ругаться, я защищался, а Лёня вдруг стал размахивать топориком, и сосед исчез. У соседа был новый рубероид, и Лёня помог мне покрыть крышу — он был молодой, а уже старый по крышам лазить. Он залез, я подавал ему листы, и мы за час покрыли, и конечно, я его благодарил.

Он дал мне на хранение пачку стихов, около ста, я ему напомнил года два назад, он сказал: «Пусть будут у тебя пока». Я сейчас, после смерти Лёни, стихи

перечитал и понял, что они исходят из души, искренно любящей русскую природу, русского человека. Народ наш талантливый, и многие остаются в забвении.

В год смерти Лёни меня одолевали болезни, и я ходил в поликлинику, и к нему некогда было заехать, но он мне часто звонил, спрашивая о здоровье. Последний раз позвонил в середине октября, говорил немного, а у меня слух плохой, и я не понял, о чем речь, а он видимо говорил, что заболел, как я после узнал от Кати. Катя положила его в больницу, и он лечился там полмесяца, и...

Третью жизнь в Иркутске я провел в общении с Лёней, в поездках в лес по ягоды. Увидел много красивых мест. Ходили со станций по железной дороге, которая идет к Слюдянке и дальше в Бурятию. После я ездил в тайгу со своими друзьями, вспоминал тропы, где ходили с Лёней. Тропы отличаются друг от друга, как люди. У каждой тропы свои прелести, и каждое лето они зовут к себе. И мы, русские сибиряки, любим тайгу, и я в тайге встречался с людьми, которые потом становились моими добрыми знакомцами. Однажды я заблудился и уже думал ночевать, как услышал женские голоса; я вышел к женщинам, и они показали мне тропу. После я встречался с ними, уже как с друзьями. Так что лес сдружил нас с Лёней еще больше, и за это я ему благодарен.

Дача Лёни стоит на Подкаменной у самого леса, а перед домом — большая поляна. Если мне даст Бог здоровья, я загляну на Подкаменную, пройду по тропе до ручья, а может быть, и дальше, зачерпну ладонями прохладной водицы, пособираю возле тропы ягоды и грибы, если кто оставил для меня, затем посижу на старой сухой валёжине, давно мне знакомой, повспоминаю былое, поздоровуюсь с проходящими по ягоды, на обратном пути, устав, посижу на большом теплом камне, который тоже меня помнит, зайду к домику Лёни, и если там Катя или Коля, или оба вместе, то они позовут меня на чай. Посижу у них, повспоминаем, и пойду я, простясь, на электричку, что унесет меня мимо сибирских лесов и ручьев в родной город Иркутск, где жил поэт Леонид Лебедев.